

А.И. Фенин

Воспоминания инженера

**К истории общественного и
хозяйственного развития России
1883-1906 гг.**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

А11 **А.И. Фенин**
Воспоминания инженера: К истории общественного и хозяйственного развития России
1883-1906 гг. / А.И. Фенин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 199 с.

ISBN 978-5-458-78300-2

ISBN 978-5-458-78300-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Нѣтъ большей скорби, чѣмъ въ изгнаніи
Вспоминать счастливые годы.

Изъ Данте.

Въ краткомъ вступленіи я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о содержаніи и характерѣ предлагаемыхъ мною воспоминаній. Моя тема — промышленно-хозяйственное строительство Россіи въ области тяжелой индустріи, воспоминанія о творцахъ и участникахъ этого строительства, характеристика обстановки, создавшей этихъ промышленныхъ дѣятелей, и условий, въ которыхъ совершалось само строительство. Мѣсто дѣйствія — югъ Россіи, такъ называемый Донецкій Бассейнъ. Я самъ не только свидѣтель, но и участникъ этого строительства, проработавшій въ Бассейнѣ въ теченіи длиннаго тридцатилѣтняго періода.

Донецкій Бассейнъ, какъ извѣстно, занимаетъ огромную территорію каменноугольныхъ отложений, включающую части Харьковской и Екатеринославской губ. и часть Области Войска Донского. Въ Донецкомъ Бассейнѣ была сосредоточена самая большая въ Россіи добыча каменнаго угля и выплавка чугуна. Бассейнъ тяготѣлъ къ Харькову, какъ къ мѣсту средоточія общественно-промышленныхъ и большинства частныхъ и казенныхъ распорядительныхъ органовъ, обслуживающихъ всю южную тяжелую промышленность.

Содержаніемъ моего повѣствованія являются не только личныя воспоминанія о жизни людей, работавшихъ вмѣстѣ со мною, инженеровъ-строителей и руководителей предпріятій и о жизни рабочихъ-«шахтеровъ», но и воспоминанія о тѣхъ характерныхъ чертахъ и тѣхъ особенностяхъ, которыя представляла общественная и промышленная жизнь этого богатѣйшаго края Россіи на протяженіи отъ 1890 до 1914 г. г. Это было время исключительныхъ по государственному значенію событій какъ въ хозяйственной, такъ и въ политической жизни Россіи. Оно включаетъ большое промышленное строительство, осуществленное въ Донецкомъ Бассейнѣ при Витте въ періодъ 1895-1900 годовъ, русскую революцію 1905-6 г. г. съ послѣдовавшими за

ней политическими и хозяйственными реформами. Въ нее входитъ и замѣчательный періодъ нашей исторіи времени отъ 1908 до 1914 г. г., такъ называемый «предвоенный періодъ», когда слѣдствіемъ предыдущихъ важнѣйшихъ въ жизни народа событій, русское народное хозяйство дало небывалый подъемъ, подлинный, никогда не наблюдаемый ранѣе расцвѣтъ хозяйства во всѣхъ его областяхъ.

Такъ какъ моя промышленная и промышленно-общественная дѣятельность является какъ-бы историческимъ источникомъ воспоминаній, то я считаю себя вынужденнымъ познакомить читателя съ главными этапами моей жизни и дѣятельности, сдѣлавъ это въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ. Сынъ помѣщика Екатеринославской губ., Бахмутскаго у., т. е. уроженецъ того же Донецкаго Бассейна, я окончилъ Харьковское реальное училище въ 1883 г. и Петербургскій Горный Институтъ въ 1889 г. — Въ 1890 г. поступилъ помощникомъ инженера Э. А. Штедингга на шахту № 19 «Французской Угольной Компаніи» около Юзовки. — Затѣмъ до 1895 г. былъ послѣдовательно управляющимъ «Вознесенскимъ рудникомъ П. А. Карпова» и около 3-хъ лѣтъ завѣдующимъ шахтой «Сергѣй» Макѣвскаго рудника бр. Иловайскихъ. Съ 1895 г. по 1899 г. завѣдывалъ сначала развѣдками, затѣмъ постройкой и эксплуатацией «Вѣровскаго» рудника Русско-Бельгійскаго Общества. Съ 1899 г. по 1911 г. состоялъ директоромъ-распорядителемъ («отвѣтственнымъ агентомъ») бывш. «Максимовскаго» рудника, приобрѣтеннаго англійской компаніей, «Обществомъ Русскихъ Каменноугольныхъ Копей». Съ 1907 г. началась моя общественно-промышленная дѣятельность при «Съѣздѣ Горнопромышленниковъ Юга Россіи», организаціи, объединившей всѣ виды горной промышленности Юга Россіи, включая и металлургію. Въ этомъ году я былъ избранъ замѣстителемъ предсѣдателя «Совѣта Съѣзда», исполнительнаго органа «Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи». Предсѣдателемъ Совѣта былъ тогда же избранъ мой товарищъ по выпуску, горн. инж. Николай Федоровичъ фонъ-Дитмаръ. — Въ этихъ должностяхъ мы пробыли при ежегодномъ переизбраніи до 1919 г. — года смерти Н. Ф. фонъ-Дитмара и моей эвакуаціи изъ Россіи (Январь 1920 г.). — Около 1907 или 1908 г. Николай Федоровичъ былъ избранъ членомъ Государственнаго Совѣта отъ промышленности, коимъ и состоялъ до конца жизни. Съ 1907 г. я переѣхалъ изъ Донецкаго Бассейна въ Харьковъ, гдѣ и жилъ все время, наѣзжая временами на рудникъ; мнѣ пришлось подолгу замѣнять Н. Ф. Дитмара, жившаго нѣкоторые годы въ Петербургѣ и вынужденнаго вообще часто и надолго отлучаться изъ Харькова. Моя чисто промышленная дѣятельность послѣ 1907 г. расширилась — кромѣ непосредственнаго управленія рудникомъ «Общ. Русскихъ Копей», я состоялъ членомъ

Правленія нѣкоторыхъ каменноугольныхъ акціонерныхъ Обществъ.

Я позволилъ себѣ привести этотъ автобіографическій матеріалъ для того, чтобы показать, что область, о которой я буду говорить, мнѣ хорошо знакома — вся моя служебная дѣятельность прошла въ работѣ надъ промышленностью Дон. Бас.

Мой трудъ включаетъ и свѣдѣнія о личной жизни многихъ дѣятелей Дон. Бас., часто моихъ близкихъ соратниковъ и друзей. Я вынужденъ изложить этихъ иногда интимныхъ воспоминаній отложить на конецъ моего повѣствованія. Дѣлаю это для того, чтобы дать возможность читателю, незнакому съ самимъ предметомъ моего изложенія, предварительно съ нимъ ознакомиться, узнать характеръ промышленной дѣятельности въ области горнаго дѣла, а равно и ту общую подготовку къ этой дѣятельности, которую могли получить поминаемые дѣятели въ тогдашнихъ условіяхъ русской жизни.

Въ числѣ умершихъ я поминаю и жертвъ большевицкаго террора. Общеизвѣстно, что нечеловѣческой жестокостью совѣтской власти обратили въ ея кровавыя жертвы въ первую очередь инженеровъ, дѣятелей стараго режима. Касаясь характера воспоминаній о близкихъ мнѣ людяхъ, я не хотѣлъ бы, чтобы они были восприняты, какъ дифирамбъ. Не надо забывать, что я говорю почти лишь объ одной сторонѣ жизни этихъ людей — главнымъ образомъ, объ ихъ промышленной дѣятельности, что естественно сужаетъ кругъ моихъ воспоминаній. Я останавливаюсь, кромѣ того, невольно на лицахъ, проявившихъ себя исключительной энергіей, достигшихъ на своемъ житейскомъ поприщѣ сравнительно высокаго положенія. Я не хочу, наконецъ, отказать отъ мысли, что время, въ которое воспитывались и созрѣвали эти люди, а равно и благоприятная внѣшняя обстановка ихъ дѣятельности позволили имъ создать типъ промышленнаго дѣятеля, отличный отъ дѣятеля предыдущаго поколѣнія времени семидесятыхъ годовъ. Ихъ промышленная работа шла во многомъ по линіи социально-промышленнаго строительства, мало соприкасаясь со стороною финансово-промышленнаго созиданія. Въ ихъ дѣятельности намѣчались ясныя начала общественнаго творчества, выраженный въ устремленности къ строительству промышленнаго «цѣлаго». Этой стороною своей дѣятельности они непосредственно соприкасались съ основными свойствами русской интеллигенціи, окрасивъ эти свойства реальными чертами практической работы, чего часто такъ недоставало нашей интеллигенціи. Я постараюсь въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ обосновать эти высказанныя мною мысли.

Я долженъ здѣсь же во вступленіи указать на одну черту, отличную и для минувшей эпохи и для ея дѣятелей — на

исключительно быстрый темпъ промышленнаго строительства и промышленной продукціи Дон. Бас. конца XIX и начала XX столѣтія, предъявившихъ къ русской технической интеллигенціи, въ большинствѣ, если не исключительно къ ея молодымъ кадрамъ, огромныя требованія какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Темпъ этого строительства былъ такъ великъ, что добыча каменнаго угля въ Дон. Бас., равная въ 1895 г. около 300 мил. пуд., достигла въ 1900 г. 700 мил. пуд. и въ 1913 г. 1,5 млрд. пуд.; выплавка чугуна за тѣ же періоды составляла 33, 91 и 189 мил. пуд. — для показательности величины этого роста нужно сказать, что сравнительный ростъ добычи угля въ Германіи, въ Англии и въ Дон. Бас. даль за этотъ періодъ соотношеніе 2, 1½ и 5. Меньшіе, но аналогичные результаты даютъ за тотъ же періодъ сравнительныя цифры выплавки чугуна.

Если принять во вниманіе, что свыше 60% добычи кам. угля Дон. Бас. и около 90% выплавки чугуна падало на иностранныя предпріятія и что уже къ началу XX столѣтія даже во главѣ огромнаго большинства промышленныхъ предпріятій Бассейна, ихъ фактическими распорядителями стояли русскіе инженеры, надо признать, что русская техническая интеллигенція блестяще выдержала трудное испытаніе. Для иллюстраціи скажу, что въ 1890 году, когда я поступилъ на службу въ Бассейнъ, число служащихъ тамъ русскихъ инженеровъ было... около десяти — въ 1913-14 г. г. ихъ было уже нѣсколько сотъ.

Если мы прибавимъ къ этому, что дѣятельность организаціи, объединившей южн. промышл. дѣятелей, гл. обр., инженеровъ, Съѣзда Г. Ю. Р., совпавъ со временемъ наибольшаго хозяйственнаго расцвѣта Россіи, приняла очень своеобразныя, почти исключительныя для Россіи формы, о чемъ я подробно скажу во второй части моихъ воспоминаній, то мы придемъ къ заключенію, что минувшая эпоха русскаго промышленнаго развитія, въ частности развитія Горнаго Юга, заслуживаетъ пристальнаго вниманія.

Русская интеллигенція того времени, въ лицѣ ея техническихъ кадровъ, рѣшительно и быстро реагировала на создающуюся благопріятную обстановку для большой промышленной работы, успѣшно побѣждая иностранную конкуренцію. Это былъ актъ аналогичный тому, какъ вся Россія въ «предвоенномъ періодѣ» 1908-1914 г. г. отвѣтила небывалымъ хозяйственнымъ подъемомъ на измѣняющійся имущественно и социальнo быть русскаго крестьянства.

Кончая мое вступленіе, я долженъ указать на одно, можетъ быть, рѣшающее соображеніе, заставившее меня наклонѣ лѣтъ взяться за перо.

Я не политическій или государственный дѣятель, не писатель или журналистъ, вообще не работникъ на поприщѣ отвлеченной мысли, и даже не общественный дѣятель въ общепринятомъ русскомъ пониманіи этого слова — мои мысли и настроенія, какъ и вся моя жизнь, имѣютъ основой практическое дѣло въ прозаической области русскаго хозяйства. Служеніе дѣлу, которому я и близкіе мнѣ люди посвятили всю свою жизнь, раздвинуло, благодаря особенностямъ этого дѣла, нашу мысль, лишило ее обывательской узости и тусклаго провинциализма, несмотря на то, что большая часть дѣятельности моихъ соратниковъ и моей прошла именно въ провинціи. Характеръ самого дѣла, творчество въ области хозяйственныхъ интересовъ, близко соприкасающихся въ цѣломъ съ государственными интересами, воспитывали нашу мысль и образовывали наше міронастроеніе въ сторону сознанія необходимости охраны законности, порядка и постепенности эволюціоннаго развитія государственной и соціальной жизни русскаго народа — естественные враги революціи, мы были, выражаясь политическимъ языкомъ, людьми центра, того центра, который на несчастіе Россіи по многимъ тяжелымъ историческимъ причинамъ, не имѣлъ еще времени не только сьорганизоваться, но во многомъ и образоваться. Жестокія событія послѣднихъ лѣтъ, разбившія русское государство, разрушили то дѣло, которому мы служили, и выбросили большинство изъ насъ изъ предѣловъ Россіи въ безпросвѣтную, часто нищую жизнь эмиграціи. Мои политическія мысли и настроенія, мое пониманіе процесса историческаго развитія русскаго государства, пребывавшія въ бытность мою въ дореволюціонной Россіи во многомъ въ состояніи уравновѣшенности и спокойствія, были за это время нашего всеобщаго краха, какъ вѣроятно и у большинства изъ насъ, внутренне пересмотрѣны, переоцѣнены и углублены. Многое предстало мнѣ въ иномъ, какъ раньше, освѣщеніи — я сталъ лучше понимать тѣ тяжкія ошибки, которыя были на моихъ глазахъ, какъ современника, совершены главными слагающими силами русской государственности, а главное, я смогъ въ вынужденномъ большомъ досугѣ эмиграціи и надвигающейся старости ближе подойти къ оцѣнкѣ того людскаго матеріала, который меня окружалъ, и постараться поильно опредѣлить его роль въ томъ ходѣ огромныхъ историческихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ я былъ. Для того, чтобы дать возможность читателю лучше понять ту область русской жизни, въ которой проходила наша дѣятельность, — русское многообразное хозяйство, я счелъ необходимымъ включить въ мои воспоминанія краткій обзоръ состоянія современнаго намъ хозяйства Россіи, помѣщая его въ концѣ первой части «Воспоминаній», въ видѣ «приложенія». Я помѣщаю его въ концѣ книги, чтобы не нарушать порядка повѣствованія воспо-

минаній. Однако, для лучшаго пониманія описываемой эпохи я рекомендовалъ бы все же попробовать ознакомиться съ обзоромъ тотчасъ по прочтеніи главы «Студенческіе годы».

Въ заключеніе я считаю моимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность моему товарищу и другу за оказанную имъ мнѣ широкую помощь какъ въ написаніи моего труда, такъ и въ его изданіи. Такую же благодарность я выражаю «Русскому Институту въ Прагѣ» за любезное согласіе выпустить книгу подъ его авторитетнымъ флагомъ, а также и за матеріальную помощь, оказанную мнѣ при изданіи книги.

ГЛАВА I.

СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ.

Гимназисты, студенты начала 80-х годовъ. Общественная атмосфера того времени. Вліяніе литературы. И такъ, кто же были въ девяностыхъ-девятисотыхъ годахъ тогда сплошь молодыя интеллигентныя русскія силы, которыя пришли на дѣло новаго созиданія почти только съ теоретической подготовкой за плечами? Кто осѣлъ въ южной степной деревнѣ, замѣнивъ во многомъ стараго ея обитателя, дворянина-помѣщика, безславно ее покинуваго? Кто своей работой по новому и съ точки зрѣнія сельскаго уюта и деревенской красоты грубо и прозаично оживилъ этотъ «фантастическій край Донецкой степи» съ ея балочками, Саурь-могилой, со своими легендами о Зуѣ, Харцызѣ, Иловайскомъ? Какой житейскій багажъ несли съ собой 25-30-лѣтніе русскіе интеллигенты тѣхъ періодовъ?

Они кончали гимназію отъ конца 70-хъ и до середины-конца 80-хъ годовъ и высшую школу, въ огромномъ большинствѣ Петербургскій Горный Институтъ, отъ 90-хъ до 900-хъ годовъ. Средняя школа того времени, несмотря на ея общедоступность, сохраняла и по традиціямъ и почти по составу характеръ дворянской школы. Она уже рѣзко отошла отъ школы 50-хъ-60-хъ годовъ — нравы «бурсы» совершенно исчезли; составъ учителей гимназій и реальныхъ училищъ былъ очень хорошъ.

Большинство моихъ сверстниковъ по Горному Институту, чуть ли даже не всѣ, кончили провинціальныя, главнымъ образомъ южныя реальные училища. На программу этихъ училищъ нападали, считали ихъ неудачнымъ дѣтищемъ Толстовской реформы. Конечно, они не подготовляли техниковъ, помощниковъ инженеровъ въ разныхъ областяхъ технического знанія, какъ это повидимому предполагалось. Но они давали отличную, очень широкую подготовку къ курсу высшей школы въ области естественныхъ наукъ — мы хорошо для своего возраста знали химію, физику, имѣли достаточное понятіе даже о многихъ техническихъ производствахъ, какъ сахарное производство, пивовареніе. Общая, довольно большая программа, включая и новые языки, вмѣщалась въ шести основныхъ классахъ училища, когда среднее образованіе считалось собственно законченнымъ. Седьмой классъ былъ дополнительнымъ, спеціальнымъ для изученія началъ аналитической химіи, главныхъ промышленныхъ производствъ, расширеннаго курса физики и проч. Шестъ классовъ мы кончали шестнадцати лѣтъ, а все училище — семнадцати, т. е. въ сущности совершенными дѣтьми. Пом-

ню, какъ въ Харьковскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ я кончилъ, нѣкоторые преподаватели изъ молодыхъ пытались читать намъ въ седьмомъ классѣ «лекціи» по университетски — помню, какъ горько былъ нами разочарованъ учитель химіи, будущій проф. Харьковского Университета, тогда только что кончившій студентъ, милѣйшій И. П. Осиповъ, когда мы во время его лекціи, при звукахъ проходящей военной музыки, вскочили съ партъ и всѣ бросились къ окнамъ...

Чѣмъ, помимо ученія, интересовались мы и что было въ средней школѣ нашимъ «духовнымъ багажемъ»? Я не ошибусь, если скажу, что и домашнее и школьное руководство въ этомъ смыслѣ почти отсутствовало, какъ отсутствовало и толковое систематическое воспитаніе — мы росли дичками. Больше всего мы читали Тургенева и Шпильгагена, съ наслажденіемъ слушали неподобное чтеніе Гоголя учителемъ русскаго языка Н. Е. Шевченко, о Достоевскомъ и Толстомъ почти не имѣли понятія. Пушкинъ стоялъ подъ сомнѣніемъ послѣ хлесткости Писаревскаго «развѣнчанія» — я и по сейчасъ не могу безъ нѣкоторой раздраженной задней мысли читать нѣкоторыя строфы Онѣгина, какъ, напр.:

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоров...

Или письмо Татьяны, звучащее въ грубѣйшей и издѣвательской интерпретаціи Писарева такъ: «Ужь если вы, коварный тиранъ, не будете ѣздить къ намъ хотя бы разъ въ недѣлю, такъ незачѣмъ было и показываться у насъ: безъ васъ я бы сдѣлалась женой и добродѣтельной матерью — теперь я по вашей милости пропадать должна»... И это несмотря на мой позднѣйшій чуть ли не колѣнопреклоненный приходъ къ Пушкину. Вообще же тогдашняя русская «духовная культура», несмотря на появившагося въ замѣтномъ числѣ, начиная съ 60-хъ годовъ «разночинца», была еще сплошь дворянской. Вліянію своеобразія того, что можно назвать дворянской культурой, подпадали и разночинцы и инородцы — полякъ Крживицкій, еврей Рабиновичъ и русскій дворянинъ Рутченко (мои коллеги по школѣ и работѣ, о которыхъ я упоминаю ниже), вышедшіе изъ одной и той же средней школы той эпохи, были овѣяны однимъ духомъ.

Всѣ мои герои росли и слагались подъ вліяніемъ волнующей красоты и незабываемой прелести Тургеневской поэзіи, очарованія тогдашняго русскаго простора и всяческаго изобилія, очарованія дворянскихъ гнѣздъ и русской деревни — кто изъ насъ, юношей 80-хъ годовъ, не появлялся въ столицу въ тогѣ Базарова или Рудина, неся загадочному Петербургу изъ захолустьевъ Елизаветграда, Симферополя, Харькова, вмѣстѣ

съ крѣпкимъ загаромъ лица, смуту поэтическихъ 18-лѣтнихъ душъ... Тревожила ли насъ, кончавшихъ тогда среднюю школу, хотя въ какой-либо мѣрѣ политика? — Можно смѣло сказать, что тогдашній 18-19-лѣтній провинціальный мальчикъ средняго типа политикой затронуть не былъ; въ его мышленіи не было ничего хотя бы сколько-нибудь похожего на политическую опредѣленность, даже на устремленность къ политикѣ, на вкусъ къ ней. Была, правда, нѣкоторая, свойственная возрасту, а русскому мальчику свойственная особенно, внутренняя взбудораженность, неопредѣленная тяга къ шумному общему поступку, общему выступленію — вѣроятный плодъ дефектовъ нашего воспитанія. Знали мы кое-что о Герценѣ, знали о «хожденіи въ народъ», увлекались подчасъ героями Шпильгагенскаго романа Лео и Туски*).

Попади мы студентами въ иную обстановку, не ту, въ которую мы попали послѣ страшнаго 1881 года, изъ насъ, можетъ быть, и сложились бы къ нашему несчастію «политическіе дѣятели» студенческихъ движеній 60 и 70 годовъ и многіе изъ насъ могли бы закончить свои дни въ ссылкахъ и тюрьмахъ. Вѣдь помню же я, будучи гимназистомъ 2-3 класса, «хожденіе въ народъ» и аресты даже среди нашихъ реалистовъ старшихъ классовъ, помню длинноволосыхъ студентовъ въ пледахъ съ суковатыми палками въ рукахъ — форма нашихъ народниковъ...

Мы были одними изъ первыхъ, пришедшими изъ провинціи въ столицу послѣ кошмаровъ послѣднихъ годовъ царствованія несчастнаго императора Александра II. Тѣ годы были во многомъ годами большого общественнаго развала, почти общественнаго безумія, когда въ какомъ то подобіи общаго патологическаго гипноза, былъ въ сущности общественно травимъ, затравленъ и звѣрски послѣ многихъ покушеній, наконецъ, убитъ террористами тотъ, на котораго, казалось бы, не могла подняться ни одна русская рука.

Я не преувеличиваю обстановки — вотъ что говорятъ о ней современники: Де-Вогюэ (Мельхиоръ, виконтъ**), бывший съ 1877 года секретаремъ французскаго посольства, говоря въ своихъ воспоминаніяхъ о неблагоприятномъ для Россіи исходѣ Берлинскаго конгресса (послѣ войны 1877-78 г.) пишетъ: «Общее чувство недовольства, почти презрѣнія противъ императора очень поражаетъ». — Какъ извѣстно, русская общественность всю отвѣтственность за наши неудачи на Берлинскомъ конгрессѣ возложила на Александра II. Тяжелыми, какъ свинецъ, словами записываетъ де-Вогюэ впечатлѣнія отъ празд-

*) „Одинъ въ полѣ не воинъ“ Шпильгагена.

**) Journal du vicomte E. M. de Vogué. Paris-St. Petersburg 1877-1885.

нованія 25-лѣтія царствованія Александра II (19 февраля 1880 года): «Большой его день, если бы это слово подошло; день удручающій и унылый, вонючая отъ оттепели грязь, все сѣро и грязно, какъ конецъ этого прекраснаго царствованія, 25-лѣтіе котораго празднують» и дальше: «Александръ II появляется, какъ призракъ. Никогда я не видѣлъ его такимъ жалкимъ, постарѣвшимъ, надорваннымъ, задыхающимся на каждомъ словѣ отъ астмы». Вотъ какъ записываетъ де-Вогюэ впечатлѣнія дня 1-го марта: «Я думаю объ этомъ бѣдномъ человѣкѣ, слабомъ и добромъ, который былъ моимъ посаженнымъ отцомъ три года назадъ, и который погибъ такъ трагически въ крови и позорѣ преступленія. Освободить однимъ своимъ словомъ 50 миллионъ людей и умереть въ своей столицѣ, какъ затравленный звѣрь». «Настоящій подкопъ, говоритъ де-Вогюэ, это ненависть, которая бродитъ подъ нашими ногами... страшный, плохо созданный міръ». И какъ жуткій, непонятный фонъ: «У прохожихъ (день 1-го марта, послѣ убійства) — обычный спокойный и безпечный видъ. Никакого любопытства, никакого волненія на улицѣ». Атмосфера, въ которой жила тогдашняя Россія, была такъ катастрофична, что вызвала у де-Вогюэ увѣренность въ ближайшемъ крушеніи Имперіи...

Другой наблюдатель, русскій «красный» журналистъ того времени — Іер. Ясинскій, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о времени, близко предшествующемъ 1-му марта 1881 г.*): «Когда я встрѣчался гдѣ-нибудь на улицѣ съ чиновнымъ журналистомъ Воропановымъ или съ другимъ подобнымъ ему либеральнымъ писателемъ, напр., съ Арсеніемъ Введенскимъ или съ „бонапартистомъ“ изъ „Голоса“ Загуляевымъ, они, подозрѣвая меня въ сношеніяхъ съ террористами, понижали голосъ и жадно спрашивали, удерживая за руку: — „Ну, что, скоро?“ — „Что именно скоро?“, въ свою очередь спрашивалъ я. — „Да то, что уже надоѣло ждать, что носится въ воздухѣ“... Ясинскій говоритъ, что онъ не имѣлъ непосредственныхъ сношеній съ террористами, но, конечно, пишетъ онъ, «я чувствовалъ и даже, можетъ быть, больше, чѣмъ другіе, что трагедія приближается къ концу и что это неизбѣжно».

Э. А. Штакеншнейдеръ, одна изъ представительницъ тогдашней русской интеллигенціи, тонкая наблюдательница общественныхъ настроеній, пишетъ о времени 1880-1881 годовъ: «Духъ, царящій въ обществѣ, можетъ привести въ ужасъ и тоску». Она рассказываетъ о томъ сочувствіи, съ которымъ относились къ террористамъ ея знакомые, люди средніе, вполне благонадежные и лояльные — «Гартманъ (директоръ лицея), говоря о Лизогубѣ, казненномъ въ Одессѣ, превозносилъ его умъ и его развитость до небесъ». А его дочь говорила, что

*) Іер. Ясинскій — „Романъ моей жизни“. Гос. Изд. Москва. 1926 г.